

УДК 821.161.1.09(Сологуб В. А.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ГСНТИ 17.07.51

Код ВАК 10.01.01

С. И. Ермоленко S. I. Ermolenko

Н. А. Валек N. A. Valek

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ДИАЛОГ В СИТУАЦИИ
«ВСЕОБЩЕГО ОБОСОБЛЕНИЯ», ИЛИ
«ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК» «НА RENDEZ-VOUS»
(роман В. А. Соллогуба «Через край»)**

Аннотация. Анализируются особенности диалога в романе В. А. Соллогуба «Через край». Интерес к проблеме диалога в сюжетной ситуации «русский человек на rendez-vous» объясняется «переворотившейся» эпохой 1870-х годов, изображенной в романе, в которую актуальным становится выяснение нравственных возможностей личности к единению и взаимопониманию.

Ключевые слова: В. А. Соллогуб; роман «Через край»; тип героя; диалог; сюжетная ситуация «русский человек на rendez-vous».

Сведения об авторе: Ермоленко Светлана Ивановна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 277.

e-mail: ermolenko-1@mail.ru.

Сведения об авторе: Валек Наталья Анатольевна, кандидат филологических наук.

Место работы: Российский научно-исследовательский институт комплексного использования и охраны водных ресурсов (Екатеринбург).

Контактная информация: 620049, г. Екатеринбург, ул. Мира, 23.

e-mail: natfil22@mail.ru.

**DIALOGUE IN SITUATION
OF «GENERAL ISOLATION»,
OR «A SUPERFLUOUS MAN» «AT RENDEZ-VOUS»
(novel by V.A. Sollogub «Beyond Measure»)**

Abstract. The peculiarities of dialogues in the novel by A.V. Sollogub «Beyond Measure» are analyzed. Interest to the problem of dialogue in the situation «a Russian at rendez-vous» can be explained by «overthrown» epoch of the 1870s depicted in the novel. In that period it was urgent to find out moral possibilities of a person to unity and mutual understanding.

Key words: V. A. Sollogub; novel «Beyond Measure»; type of a character; dialogue; situation « a Russian at rendez-vous».

About the author: Ermolenko Svetlana Ivanovna Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Russian and Foreign Literature.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

About the author: Valek Natalia Anatolievna, Candidate of Philology.

Place of employment: Russian Scientific Research Institute of Complex Use and Protection of Water Resources (Ekaterinburg).

Владимир Александрович Соллогуб (1813—1882) вошел в русскую литературу 40-х гг. XIX в. как создатель повестей, близких натуральной школе. Его имя становится широко известным благодаря авторитетной для современников высокой оценке В. Г. Белинского, назвавшего автора «Тарантаса» «первым» («после Гоголя») писателем «в современной русской литературе» [Белинский 1955: 536]. Однако уже в середине 50-х гг. в отношении к творчеству В. А. Соллогуба со всей очевидностью обозначился резкий перелом. Отсутствие четкой общественно-политической позиции писателя в эпоху усиливающихся идейных размежеваний вызвало целый ряд негативных откликов современников [см. об этом: Немзер 1982]. Общественное мнение о Соллогубе как светском дилетанте укрепилось прочно и надолго. И уже более никого не интересовало творчество некогда популярного прозаика.

Между тем в самом конце жизни В. А. Соллогуб приступил к реализации своего давнего и, может быть, главного замысла — романа «Через край», который был закончен в 1881 (за год до смерти писателя) и опубликован в 1885 г. в нескольких номерах не самого популярного тогда в России журнала «Новь» [Соллогуб 1885]. Это последнее произведение писателя

(кстати, единственное в его творчестве сочинение большой жанровой формы) было встречено всеобщим молчанием или, если сказать точнее, с полным равнодушием. Не замеченный современниками, воспринятый, вероятно, как запоздалая вариация на традиционную для русской литературы тему «лишнего человека», роман, будучи опубликованным, так и не стал «литературным фактом» (термин Ю. Н. Тынянова), т. е. не оказал какое-либо влияние на литературную жизнь своего времени. Соллогуб как будто предчувствовал реакцию современников, критиков и читателей, и не спешил с публикацией романа, в автобиографичности которого сомневаться не приходится. В нем писатель предпринял попытку подвести некий итог прожитой жизни, ответить на вопросы, мучительно волновавшие его, от решения которых зависела не только его личная судьба, но и судьба всей России.

Вопреки распространенному мнению современников, Соллогуб не был человеком, равнодушным к происходящему в стране. Об этом свидетельствует роман «из современной жизни» «Через край» (время действия романа относится к 50—70-м гг. XIX в.), главный герой которого — человек, ищущий свое место в большом русском мире. Писатель обращается

к типу героя, который является центральным в его творчестве: «светскому человеку» — «доброму, но безвольному малому». Многие черты в нем оказываются уже знакомыми. Психологический облик героя романа, Петра Ардарова, «человека не от века сего», вызывает в памяти «лишних людей» 30-х гг. XIX в. — Онегина, Печорина, не угадавших свое «назначение высокое». Ардаров напоминает и Рудина (главного героя одноименного романа 1856 г. И. С. Тургенева), душевная неуспокоенность которого делает его «бесприютным скитальцем» («Мне остается теперь тащиться по знойной и пыльной дороге, со станции до станции в тряской телеге...»). Вместе с тем центральному персонажу романа «Через край», в отличие от предыдущих героев писателя, присущ и комплекс «кающегося дворянина» (Н. К. Михайловский) 70-х гг. — человека, возлагающего на себя нравственную ответственность за происходящее вокруг, как в жизни близких ему людей, так и в стране в целом, и в то же самое время осознающего личную неспособность что-либо изменить в общем российском неустройстве.

Проблема нравственной ответственности личности, напрямую связанная с проблемой поисков смысла жизни, выдвигается на первый в переломную пореформенную эпоху 70-х гг. XIX в. «Переворотившаяся», по определению Л. Н. Толстого, эпоха 70-х гг., когда создавался роман «Через край», характеризовалась острым разладом внутри русского общества, разрывом связей и отношений между людьми. Это актуализировало этическую проблематику: было необходимо выяснить нравственные возможности личности, ведущие к единению и взаимопониманию в условиях «всеобщего обособления» (Ф. М. Достоевский), «существования в одиночку» (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Соллогуб, как и другие современные ему писатели, занят в своем романе поисками путей преодоления разобщенности и замкнутости человеческого существования. Для этого автор, испытывая способность героя к контакту, единению с другими людьми, выводит его на «большую дорогу». Герой оказывается то на Кавказе, то в снова в Петербурге, откуда начался его путь и куда он периодически возвращается, то едет во Флоренцию, то попадает в помещичью усадьбу Сумбуровку... Затем, как в калейдоскопе, мелькают Германия, Швейцария, Италия, Париж... И так до тех пор, пока это беспокойное движение не пресекается смертью героя где-то в Оренбурге, на пути в действующую армию.

Образ дороги является ключевыми в художественной структуре романа. Размышляя о хронотопе дороги, М. М. Бахтин писал: «„Дорога“ — преимущественное место случайных встреч. На дороге („большой дороге“) пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразнейших людей — представителей

всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью, здесь могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы. Здесь своеобразно сочетаются пространственные и временные ряды человеческих судеб и жизней, осложняясь и конкретизируясь *социальными дистанциями*, которые здесь преодолеваются. Это точка завязывания и место совершения событий» [Бахтин 2000: 177] (курсив автора. — С. Е., Н. В.).

Выходя из замкнутого, узкого кастового мирка высшего петербургского «светика», «через» его «край», на «большую дорогу», Ардаров «случайно» попадает в миры самых разных людей. Дорога становится, таким образом, нитью, связующей не только разные пространственные топоры романа, но и его частные социальные миры. В то же время дорога — это тот вектор, который задает направление разрывания образа мира в романе как мира «Земли Русской».

Внешний сюжет, обусловленный передвижениями главного героя в пространстве, осложняется внутренним — духовной эволюцией Ардарова: так мотив дороги оказывается в романе и мотивом жизненного пути, испытания, которое ждет героя на этом пути. Испытанием для героя оказываются его встречи на «большой дороге» с другими людьми, контакты с ними, которые получают свое художественное воплощение на диалогическом уровне повествовательной структуры романа.

Роман Соллогуба насыщен диалогами. Как правило, диалоги, сменяя повествование «от автора», появляются в тот момент развития сюжета, когда происходит остановка в пространственном перемещении Ардарова. Однако развитие действия при этом не останавливается: неожиданные встречи, новые знакомства и отношения определяют дальнейшие события и судьбы героев романа. В этом смысле можно говорить о сюжетобразующей (сюжето-предваряющей) функции диалога в романе.

Соллогуб использует ставшую уже традиционной в русской литературе сюжетную ситуацию испытания героя любовью — «русский человек на rendez-vous». Первым таким испытанием станет для героя встреча с Дарьей Андреевной — женой эскадронного штаб-лекаря, с которой судьба сведет его во время военной службы на Кавказе. В эпизодах знакомств с новыми людьми важная роль в раскрытии образов героев романа принадлежит первому диалогу, который возникает между ними. В этих диалогах психологически точно очерчиваются характеры персонажей, обусловленные их принадлежностью к определенному социальному кругу. В случае с Дарьей Андреевной, Дарико, имеет значение и ее национальная принадлежность, ибо по матери, «княжне Гого-

ридке, из Сигнаха», она «настоящая грузинка». Отсюда ее пылкость и страстность, и одновременно гордое достоинство, с которым умеют себя держать восточные женщины. Поэтому можно говорить о характерологической функции диалога у Соллогуба. До того момента, пока Ардаров наблюдал издали, как соседка «суетилась на своем дворике, кормила кур своих и цыплят, возвращалась с рынка и вязала чулок на крыльчке» («а я все по хозяйству...»), она казалась ему каким-то «безжизненным» существом. Но первый же разговор с ней заставляет Ардарова убедиться в обратном. Таким новым и неожиданным для героя, воспитанного в петербургском «большом светике», привыкшего общаться со светскими «куклами», было живое проявление естественных человеческих чувств, без тени какого-либо притворства, жеманства, что «ему стало отрадно и как бы светло, спокойно». Да и Дарико, вероятно, впервые ощутила потребность диалога («мы с ним <мужем> редко разговариваем — времени нет»), желание открыть свой внутренний мир другому человеку.

— Как вы прекрасны!.. — невольно вырвалось у него.

— Я-то прекрасна?.. Что вы, что вы? — непритворно удивилась она. — Вот хозяйка я, в самом деле, хорошая — **могу похвастать!**.. Не поверите, как мне со стороны было досадно видеть, как вас обкрадывают!.. Давно уж я думала: как бы познакомиться с ним, чтобы ему всю правду открыть: точно младенец, — даже смеются над вами!.. Теперь познакомилась, — и давайте потолкуем о вашем хозяйстве. Белье у вас такое, что я и во сне ничего подобного не видала; но стирают его ужасно, **просто срам посмотреть: сорочки в дырках; все только водю сплеснуто; белье только скомкано, но не выглажено. Ну уж стирка!** могу сказать; а **цену ломят страшную...** <...>... **зачем же деньгами-то сорить?**.. Разве вам не стыдно?..

— Очень стыдно... <...> Что же мне делать?..

— Это уж теперь мое дело. Прачку я вам дам свою; она стирает отлично. Правда она **прикрадывает немножко**, но самую бездельцу и не пьет. <...>

— Да ведь это беспокойство же для вас!.. <...>

— **Добрая вы, сердечная, прелестная женщина!**.. [Соллогуб 1885, гл. 4: 536—537]. (Здесь и далее выделения в цитатах наши. — С. Е., Н. В.)

В диалоге сталкиваются две разные речевые стихии — литературная и народно-просторечная, носителями которых являются люди разного социального положения и культурного уровня. На фоне восторженных реплик Ардарова (*Как вы прекрасны!..; Добрая вы, сердечная, прелестная женщина!..*) «непритворный», разговорный характер речи Дарьи

Андреевны выступает особенно выразительно (*могу похвастать!..; просто срам посмотреть: сорочки в дырках; все только водю сплеснуто; Ну уж стирка!; цену ломят страшную; зачем же деньгами-то сорить; прикрадывает немножко*). Героиня близко к сердцу принимает «житейскую неопытность» Ардарова, который, словно «младенец», не замечает обмана (**досадно видеть, как вас обкрадывают!**..), почти по-матерински жалеет его. Она, «в полном чистосердечии полудетского неведения», еще не осознает вполне, что это желание окружить заботой человека, которого она, по существу, совсем не знает, есть выражение любви, высказывающейся с такой наивной непосредственностью. Оттого-то Ардаров, никогда прежде не знавший такой сердечности и искренности, сразу будет очарован женой простого штаб-лекаря: *Ардаров, растроганный, благодарный, задетый за живое, смотрит на нее с нежностью. <...> ... душе его стало как-то уютнее...* И хотя внутренний голос (*Вдруг его словно кольнуло что-то...*) попытается вразумить Ардарова (*Остановись!.. не отравляй чужого спокойствия!.. Не пользуйся неосторожностью молодого чувства!*.. [Там же, гл. 4: 536]), он предпочтет заглушить его: герой примет любовь Дарьи Андреевны, не будучи способным ответить ей таким же сильным и искренним чувством, не находя в самом себе его «источника»: *Душа его не была воспитана к нежности. <...> У него не было даже и потребности любить* [Там же, гл. 4: 535].

Через шесть лет Петр Ардаров с грустью вспомнит о своем «первом увлечении молодости»: *Странная моя судьба, — думал Ардаров, — на Кавказе я был близок к любви, но полноты любви испытать не мог... Поэзии мешала проза; упоению мешала совесть... Да и наши уровни взглядов, потребностей, привычек были совершенно различными* [Там же, гл. 8: 79].

Разность, о которой говорит повзрослевший Ардаров, была задана с самого начала. «Проза» жизни (куры и цыплята, вязаные чулки, стирка белья, мытье посуды) никак не совмещалась с привычками светского существования, «поэзия» которого все-таки имела над героем (до самого конца его жизни) власть. Выражением этой разности и были разные речевые стихии, так явно обнаружившиеся в первом диалоге героев, которые, столкнувшись, так и не смогли слиться в едином стилевом потоке. Несмотря на это, Дарья Андреевна, уже обремененная многочисленным семейством, будет продолжать любить Ардарова, печалиться и тревожиться о нем. А ее немногословный муж, Кондратий Филиппович, у которого прежде не было времени, чтобы разговаривать со своей молодой женой, но который «знал все» и знал также, что «таких болезней лекарством не лечат», окажется «нравствен-

ным силачом» (так охарактеризует его сам Ардаров), человеком глубоко порядочным и деликатным, способным понять чувства горячо любимой им женщины и поддержать ее. В финале романа они оба, вместе — муж и жена — горестно плачут по «новопреставленному рабу Божьему» во время панихиды, заказанной по случаю кончины Ардарова, человека, который так много значил в их жизни.

Вторым испытанием для героя станет его встреча с Натальей Львовной, молодой, красивой, богатой помещицей. Кажется, ничто не мешает теперь их взаимопониманию: они люди одного социального и культурного круга. Правда, препятствие, через которое герой не в силах будет перешагнуть, все-таки есть: Ардаров к моменту встречи с Натальей Львовной будет уже женат, и ставший ему ненавистным «светик» будет цепко удерживать его в своих сетях, разорвать же их у него не хватит сил.

Как и в предыдущем случае, важен первый разговор Ардарова и Натальи Львовны, хозяйки Сумбуровки, в которую волею случая попадает главный герой, на фоне «роскошной украинской ночи» (глава 12 «Барышня»). Начинается диалог с серьезной темы — обсуждения ситуации в стране. Герои горячо и взволнованно говорят о «безурядице», которая стала нормой жизни «Руси необъятной», горькой и беспросветной нужде простого люда („*Плач голодных детей, отчаянье и стоны беспомощных матерей...*“ — **оживленно** говорит Ардаров. — *Это ужасно, — с чувством* подхватывает Наталья Львовна). Герои с пафосом, почти в унисон произносят очень правильные слова: „*Любите народ — идите поучите его словом и примером всему, что ему нужно знать, помогите ему в беде, поддержите его советом*“, — **воодушевленно ораторствует** Наталья Львовна, **выпрямившись в весь рост и величественно жестикулируя**. — *Ардаров глядел на нее с восторгом...* [Там же, гл. 12: 193].

Однако одними словами все и исчерпывается: ни Ардаров, ни тем более «барышня» Наталья Львовна, «знающая», по ее мнению, «крестьянство», так ничего и не сделают для облегчения участи даже собственных крестьян. К слову сказать, тут же, после правильных горячих слов в защиту «крестьянства», Наталья Львовна несправедливо обидит свою преданную старую няньку-«мужичку», которая так некстати вмешается в разговор героев, обеспокоенная тем, что ее «голубка» до сих пор не ложилась спать (а уж «скоро светать будет»): *Как вы смели позволить себе войти ко мне без зова, да еще и наставление мне читать!.. Уходите отсюда, говорю вам!.. Вы надоели мне, слышите... На-до-ели!..* [Там же: 195]. Хотя чуть позже «барышня» прибежит к старой няньке и плача будет просить у нее прощение, и от этого у Ардарова, невольно подслушавшего разговор в соседней комнате, *на душе...*

разом просветлеет, неприятный осадок у читателя остается.

В понимании причины «всех... напастей и бед» в стране («беспечность, лень, рознь, невежество» самого общества) герои обнаруживают полное единодушие и взаимопонимание, что подчеркивается взволнованными повторами-подхватами в их ответных репликах:

— **Да, вы правы, князь, правы!** — **с жаром поддержала его Наталья Львовна**. — *Я так же думала, — и чем более всматривалась в жизнь и людей, тем более убеждалась в справедливости такого взгляда...*

— **Верно, верно!** — *ответил Ардаров...* — *об этом именно я и говорю* [Там же, гл. 12: 192].

Однако когда речь заходит о любви и супружестве, что на самом деле гораздо больше волнует героев, чем крестьянский вопрос, неожиданно обнаруживаются расхождения в их представлениях, на первый взгляд, впрочем, объяснимые разным жизненным опытом. Однако в действительности у них разные жизненные позиции. Поэтому, достигнув своей кульминации в патетически-приподнятой реплике Ардарова, произнесенной «тихо и задумчиво», но с затаенной внутренней силой и страстью, что выражается сплошными восклицательными конструкциями (*...и тьма и свет зависят от существа любимого! Им держится вселенная! В нем восторг и отчаяние... в нем жизнь и смерть!*), разговор неожиданно обрывается: *Собеседники почувствовали себя как-то неловко. Каждый из них боялся прервать молчание, чтобы не сказать лишнего...* [Там же, гл. 12: 195].

Зарождающееся чувство, которое еще не осознают герои, сулит им не только радость, но и беду. Предзнаменованием чего-то недоброго станет «заревое пожара», резко контрастирующее с картиной «тихой, теплой, светлой, упоительной» ночи. На это зарево обратит внимание Наталья Львовны Ардаров:

Далеко-далеко на горизонте виднелось зарево пожара. То разом ярко вспыхнет оно, как вспыхивает солома, то померкнет, как бы давая этим знать, что соломе недолго сгореть...

— *Вот, — прервал, наконец, молчание Ардаров, указывая вдаль, — ... Видите вы это зарево? Знаете, какая первая мысль является при взгляде на этот пожар? <...> Тем местом прошел какой-нибудь беглый бродяга; он украл на заднем дворе лошадь и, чтобы избжать погони, поджег деревню, которая и сгорит вся, до последней избенки, до последнего сарая, бани, овина... А беглец, при свете зарева, мчит без оглядки. <...> Завтра там будет голое пепелище с обгорелыми головнями и — самая горькая, беспомощная нужда...* [Там же, гл. 12: 191—192].

«Первая» и, как окажется, пророческая мысль, возникшая у Петра Ардарова при

взгляде на «зареве пожара», воплотится в реальность. Реальность тем более страшную, что «бродягой», спалившим целую деревню, окажется некогда спасенный Ардаровым от холодной смерти крестьянин Савелий Фокин, несправедливо сосланный на верную гибель после двухлетнего пребывания в тюрьме со всем семейством в Сибирь за то, что он вступился за честь жены. Вот оно — выражение самого острого разлада пореформенной эпохи: *Да, разошелся помещик с крестьянином, и в этом — первое зло... <...> ... этот развод губит их, губит и губит!..* [Там же, гл. 10: 177]. «Деревней» же, сгоревшей дотла, станет село и прилегающая к нему Сумбуровка. Та самая Сумбуровка, в которой Петр Ардаров и Наталья Львовна в знаменательную для них ночь, решительно изменившую их жизни, впервые испытают предчувствие счастья, еще не зная, какие испытания ждут их впереди. В финале романа возникает образ дворянского гнезда — «голового пепелища»: *а как здесь когда-то хорошо жилось и думалось, и как все это горько кончилось!..* [Там же, гл. 21: 566].

Символические образы бури (из-за которой Ардаров, ехавший к одной женщине — Дарье Андреевне, попал совсем к другой), «зарева пожара» выступают грозными предзнаменованиями той трагедии, которая развернется впоследствии. Ардаров, призывая любимую женщину «не бить стекол», «не идти против общественного мнения» (вспомним печально знаменитое рудинское «покориться» в ответ на вопрос героини: «...что нам надобно теперь делать?»), тем самым оскорбит ее, ждавшую от мужчины, ради которого она пошла на разрыв со своей средой, «крепкой опоры», а не «вечно ослабевающей руки», решительного действия, которое разом бы разрубило мучительный для них узел противоречий. Ардаров, также оскорбленный женщиной (*На что мне ваша любовь? Вы... вы даже не богаты!*), которую он, тем не менее, продолжает горестно и «беззаветно» любить, будет искать смерти (*Я где-нибудь покончу и, вероятно, скоро*) и найдет ее. А Наталья Львовна, опустошенная, «сгоревшая» в «пожаре» своей любви, будет вести внешне «блистательное» безлюбное существование супруги «породистого» лорда Дарлингтона, но при этом безуспешными будут ее попытки отогнать от себя «другие образы, другие воспоминания», «дорогие ее сердцу мечты». Жизнь разведет героев, которые так и не сумеют понять друг друга.

Однако это непонимание, как и в ситуации с Дарьей Андреевной, также было предопределено. Уже в первом диалоге героев обнаруживаются такие качества характера Натальи Львовны, как категоричность, безапелляционность (*И я уверена, я убедилась из опыта...; Я с детства знаю крестьянство... и с убеждением, положив руку на сердце, говорю...),* гордость, точнее гордыня (*... я горда до бо-*

лезненности), эгоистичность, привычка считаться только с собственными желаниями и интересами (*Я не хочу зависеть от чужих капризов, — с меня довольно и своих собственных... Я хочу быть независимою и начальника, господина над собою не ищу, не желаю и никогда не пожелаю!..; здесь моя воля — другой нет; я здесь барыня, я здесь царица!*), подчеркнутые императивным, каким-то наступательным характером интонации, — словом, все то, что при первой встрече было воспринято Ардаровым как проявление сильного, независимого характера «барышни», заставило его восторгаться, восхищаться ею. Героиня судит обо всем уверенно, решительно и строго, не зная жизни, не испытав еще ни сильных чувств, ни сильных потрясений. В противоположность манере говорить Натальи Львовны интонация реплик Ардарова, подчеркнутая как авторскими ремарками, так и особым строением фразы, выражающей сомнение, неуверенность, иная: *тихо и задумчиво* сказал Ардаров; *я мог бы ответить, что я не знаю...; Мне кажется, что любовь ваша наружная, повелительная... Мне кажется, что воображение ваше пламенное, но сердце ваше еще не отыскалось.* Дело не только в том, что Наталья Львовна главным образом высказывается (она интересна самой себе, она сама — в центре своего внимания), а Ардарову важно услышать ответ, понять свою собеседницу (*Ардаров внимательно слушал Наталью Львовну...; А любовь? — спросил Ардаров, более и более интересуюсь оборотом разговора*). Уже в первом диалоге с очевидностью проявится несовместимость характеров героев, предопределившая печальный финал их «беззаконного» романа: «повелительная любовь» «рассудительной» Натальи Львовны потребует от интеллигентного, но «безвольного», все время сомневающегося Ардарова таких жертв, которых он не в состоянии будет принести.

Лишенный теплого родительского участия, не знавший материнской ласки и заботы, Ардаров жаждет любви, но откликаясь на любовь женщины, будь то Дарья Андреевна или Наталья Львовна, герой оказывается неспособным оправдать ее ожидания. Не оправдал Ардаров и ожидания Низы Сухановой, ставшей его женой. Однако Низа — совсем другой тип женщины. Ардаров встретил ее не на «большой дороге», а в привычном узком кругу «большого светика», когда он еще не перешагнул «через» его «край». Это тип женщины «беспощадной, бессердечной», преследующей только меркантильные цели, рассчитывавшей с помощью замужества занять более высокое положение в обществе. Не разгадав поначалу характер Низы, Ардаров даже испытывает к ней «признаки симпатии, могущей развиться в любовь», однако Низа быстро их «парализует». Их заключенный по всем правилам «светика» союз (*партия прекрасная во всех отношениях...*

древнее имя, состояние, связи, положение, чего лучше?) с самого начала не предполагал любовь (*Что амуров нет — это не беда! Напротив...* [Там же, гл. 18: 76]). Низи, разочаровавшаяся в муже (*Вы загубили мою жизнь; вы искрошили свою карьеру; своими глупыми выходками вы сделали посмешищем всего Петербурга...* [Там же, гл. 18: 552]), воспринимает свой одиннадцатилетний брак как «каторгу». Герой же несчастлив в браке, потому что в нем не было самого главного — любви. Не случайной окажется и смерть рожденного в безлюбовном браке младенца-сына, оплакивать которую герой будет в горьком одиночестве.

Ни разу в романе между героями — мужем и женой — не возникает тот диалог, который свидетельствовал бы о семейном согласии и взаимном понимании: *Когда они оставались вдвоем, они не знали о чем говорить, — общего у них ничего не было: им было скучно вместе!* [Там же, гл. 18: 79]. Ардаров и Низи способны лишь обмениваться колкими раздраженными репликами, не испытывая ни малейшего желания услышать друг друга.

И все-таки судьба пошлет Ардарову женщину, которая могла бы составить счастье его жизни. В романе о ней сначала говорит мудрая «тетка-карлица» Ардарова — княгиня Горицына: *... Таня — как есть ангел!.. Так и навсегда останется, — точно на нее Бог улыбнулся!..*, — обсуждая с племянником его предполагаемую женитьбу. *Только молоденька, милый, для тебя — всего 15 лет: дожидаться бы пришлось еще года два, три...* [Там же, гл. 18: 75]. И вот эта «худенькая девочка, полуробеноч, полудевушка», во время «неприличной сцены» истерики, которую устроила «исступленная» мать невесты, только одна смогла понять состояние героя (*В то время, как невеста Ардарова отворачивалась от него, одна Таня отгадала чувства, удручающие Ардарова...*) и нашла для него нужные «слова утешения». «Поцеловав его в щеку», она шепнула: *Простите ее... И вас мы все любим здесь будем, — вы теперь родной наш...* [Там же, гл. 18: 77].

Погруженный в свои переживания, заботы и дела, Ардаров не то чтобы не обращал внимания на свою свояченицу, но как-то не думал о ней. Но с ее приходом в комнату всякий раз (Ардаров чувствовал это) проникал «как бы луч весеннего света», и становилось легче дышать, «долго... веяло чем-то светлым и успокоительным». В последний раз образ Тани возникает уже в финале романа. Жизненные пути героев окажутся разными. Но «большая дорога» все-таки сведет их вместе. Выяснится, что они оба едут в одно и то же место: Ардаров вступает в отряд, который должен участвовать в ташкентской экспедиции; туда же направляется Таня в качестве сестры милосердия. Как ангел-хранитель, появится она у постели умирающего Ардарова: *Это Бог послал вас сюда, чтобы я не умер совсем одно-*

ким! — с трудом сказал Ардаров. И между ними состоится диалог — первый и единственный в романе настоящий диалог, при всем немногословии и даже недоговоренности, основанный на полном сердечном и глубоком взаимопонимании: *„Тата... вы не знаете... в моей жизни...“. И больной остановился. По лицу его пробежало судорожное движение. „Я все знаю“, — ответила она... Только перед лицом смерти поймет Ардаров: Ты — чистая, добрая, любящая... С тобой, только с тобой могло быть счастье!..* [Там же, гл. 20: 560]. «А счастье было так возможно, так близко!...». Но Ардаров упустил свое счастье, не угадал его в той «худенькой девочке», что послана была ему судьбой (не дождался «года два, три»), не смог сделать себя и ее счастливой.

Таким образом, получается, что главный герой романа Соллогуба «Через край» не выдержал испытания любовью? Следуя логике Н. Г. Чернышевского, автора известной статьи «Русский человек на rendez-vous», посвященной повести И. С. Тургенева о несостоявшейся любви «Ася», на этот вопрос, казалось бы, следует ответить утвердительно. По Чернышевскому, человек, не выдержавший испытание любовью, т. е. не способный сделать единственно правильный выбор и совершить в соответствии с ним поступок, не может состояться и на общественном, гражданском поприще. А «без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувств гражданина ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних лет, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится...» [Чернышевский 1974: 414—415].

Запутавшись в сумбуре «переворотившейся» эпохи, Петр Ардаров не смог разобраться в собственной жизни, как не смог он и добиться видимых результатов в общественной деятельности, пробуя себя в разных жизненных сферах: на военном поприще, затем на гражданской службе. Несмотря на благородные порывы и устремления, Петр Ардаров все-таки остается в глазах света, с которым он так и не смог окончательно порвать, «идеалистом» («тогда как нужны люди практические»), с точки зрения автора, сочувствующего своему герою, — рефлектирующим «человеком не от века сего» с «недостатком душевной энергии», не сумевшим в своих духовных исканиях обрести надежную опору в ситуации «всеобщего обособления» («для своих — чужой, для соотечественников — бесполезный»).

И все же, несмотря на то что Петр Ардаров приходит к горькому выводу о ничемности собственного существования («ничего не сделал»), жизненная установка, внушенная ему в молодости отцом, — «послужить России», которой он стремился, как мог, следовать, — гражданская в своей основе. Идея служения Отечеству, русскому народу лейтмотивом про-

ходит через весь роман. Само желание героя Соллогуба быть нужным «Земле Русской», мучительные размышления о причинах своей «лишности», в чем он обвиняет исключительно и только себя, свидетельствуют о значительности его духовных запросов, высоте требований, предъявляемых к себе.

Такова, по Соллогубу, судьба «кающегося дворянина», человека из коренной русской аристократии, рожденного в эпоху 40-х гг. и оказавшегося «лишним», по его собственному признанию, в новых исторических условиях 70-х, когда «все... перевернулось и только укладывается». Подобно своим великим современникам — Ф. М. Достоевскому («Братья Карамазовы»), Л. Н. Толстому («Анна Каренина»), Соллогуб, а вслед за ним и его герой, видит выход из создавшейся социально-политической ситуации в стране в нравственном единении людей, в преемственной связи-диалоге поколений, основанной на единой великой цели — служении своему Отечеству, «Земле Русской». Не случайно роман Соллогуба имеет открытый финал. В нем на первый план выходит образ Петруши Колпина, сына Дарьи Андреевны (получившего некогда благословение

Петра Ардарова), который возвращается из заграничного путешествия домой, *молодой, здоровый, веселый, честный, готовый служить этой необъятной земле*. Так передается духовная эстафета от отца (и, скорее всего, реального — а значит, не прервался все-таки род Ардаровых) к сыну, что символизирует надежду стареющего писателя на молодое поколение — «русских мальчиков», которым по силам будет то, что не смогли сделать их «отцы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эпос и роман. — СПб. : Азбука, 2000.
2. Белинский В. Г. Русская литература в 1842 году // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. — М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 6. С. 512—546.
3. Немзер А. С. Владимир Соллогуб и его главная книга // Соллогуб В. А. Тарантас. Путевые впечатления. Сочинение графа В. А. Соллогуба. Факс. изд. СПб., 1845. — М. : Книга, 1982. С. 1—21.
4. Соллогуб В. А. Через край : посмертный роман графа В. А. Соллогуба // Новь. 1885. Т. 2. № 7—8. Т. 3. № 9—12.
5. Чернышевский Н. Г. Русский человек на rendez-vous // Чернышевский Н. Г. Собр. соч. : в 5 т. — М. : Правда, 1974. Т. 3. С. 398—421.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская